

да в это въехал, но из шоу-бизнеса уже уходить не хотелось.

— Понравилось?

— Да, понравилось внимание к собственному творчеству. Понравилось играть в театре без постановки. Но сыграть популярного певца, пока тебе не подыгровывает зал, невозможно. Надо завоевывать зрителя. Как и чем — я не понимал. Я закончил джазовую школу и всегда увлекался латиноамериканской музыкой, но не карнавальной, а джазовой, что-то вроде босановы. Как-то сидели мы на кухне — я, аранжировщик и барабанщик из «Черного кофе». Барабанщик послушал то, что мы записали, и сказал, что это полная фигня. И тут дошло дело до какой-то босановы, которую я сам для себя записал. Он вдруг говорит: во, это хорошо! Я говорю, но это же не модно, не попсовое. А он мне — какая разница, это хорошо.

— И что вы сделали?

— Перестал записываться на модных студиях в столице, уехал в Тверь и стал искать. Я, кстати, до сих пор там записываюсь. Вот тогда родился «Босоногий мальчик», и я первый раз получил удовольствие от того продукта, который сам же сделал. Не умозрительно, вот мотивчик модный, спето вроде чистенько, слова про любовь — будет популярным. С меня это сошло. Я впервые сделал что-то, что в общем-то, сохраняя некую попсовость, во мне самом рождало честные жизненные эмоции.

— Многие до сих пор считают ваш первый альбом лучшим...

— Я еще не видел ни одного проекта, чей первый альбом не считали бы самым лучшим.

— Ну, почему... Рокеры, например, говорят про первые пластинки — детский лепет...

— Они могут говорить, что угодно. Я могу говорить, что угодно. Я могу сказать, что моя последняя пластинка «Дежавю» самая лучшая. Но люди никогда не скажут, что я сделал что-то лучше, чем «Босоногий мальчик». То было появление нового человека. Кроме того, есть одна серьезная проблема автора, хотя, может, и не стоит в этом призываться, — очень неприятно повторяться. В поп-музыке есть стилевой лимит. Если сделал две песни в стиле кантри, третью подобную ты не можешь выпустить в этом году.

МОЖНО ПЕТЬ И В РЕСТОРАНЕ

— Новый год, как все исполнители, на сцене встречаете?

— Да, обязательно.

— Но можете отказаться от предложения?

— Нет, не могу.

— По финансовым соображениям?

— Во-первых, мы не сильно избалованы деньгами. Во-вторых, это работа. Был такой слоган «Мы работаем — вы отдыхаете». Вот это абсолютно мы. В понедельник утром вы пойдете на работу, а я буду спать. Зато в субботу вы захотите оттянуться, а я буду вас развлекать. В этом году я впервые отметил день рождения в Москве, собрал друзей и не поехал на гастроли. Обычно отмечая в купе поезда, за кулисами после концерта, в самолете.

— Вы выступаете в казино, а сами — азартный человек?

— Игры, которые не очень зависят от умения, не сильно меня привлекают. Чисто на удачу мне неинтересно. Вот бильярд — это да.

— А на днях рождения новых русских играете сейчас, имея уже имя и положение?

— Я не знаю ни одного музыканта в любом абсолютно жанре, который бы не играл на свадьбах и днях рождения. Знаете, они, эти богатые новые русские, — такие же люди. У них просто есть деньги на то, чтобы пригласить стоящего человека в ресторан. И меня, чтобы я там выступил. В этом нет ничего стыдного. В культурность я ни в какую не играю, мол, не могу выступать, когда люди кушают. Если они в этот момент хотят выпить и закусить — ради Бога. Выпивайте и закусывайте, делайте, что хотите, получайте удовольствие, ради этого я сюда и пришел. Другое дело, что я постараюсь — где-то песни к третьей, — чтобы вы перестали кушать и начали танцевать. Главное правило — люди должны получать удовольствие от того, что ты делаешь, они, в конце концов, заплатили за это деньги. А сколько народу перед тобой — сто или сто тысяч — не имеет значения.

«ЗВУК ХОРОШИЙ — ЭТО КАЙФ»

— От чего вы еще получаете удовольствие, кроме собственной работы?

— Ой, много от чего... Я вообще жизнь люблю. Я есть люблю вкусно, выпивать с

друзьями, болтать о том о сем. Приятно бывает устроить себе спортивный день, ощутить радость движения, в теннис поиграть. Любовь — замечательное занятие, одно из самых прекрасных на земле. Большое удовольствие выбросить кучу мусора. Приземлиться после долгого полета — высшее наслаждение.

— Бойтесь летать?

— Не особо. Тут просто недавно шасси однажды не раскрылось, часа два кружили над аэропортом. Потом сели. Такие радостные были. Молчали, правда, сначала часа два, а потом напились по этому поводу... Когда звук хороший на концерте, тоже радость — понимаешь, зачем живешь.

— А если плохой?

— А если плохой, отрабатывашь. Меньше играешь песен, больше рассказываешь анекдотов. Но когда звук хороший — это настоящий кайф.

— Имея хороший голос и хороших музыкантов, не против петь под фанеру?

— Под фанеру петь противно. Слава Богу, я под фонограмму не работаю, разве что в сборных телевизионных концертах — это является обязательным условием. Вообще, телевизионное выступление под фонограмму — это самое сложное испытание в профессии. Я помню, на «Фабрике звезд» мы спели живьем «На сиреневой Луне», а в финальном концерте в «Олимпийском» живое выступление было невозможно, но и петь под фонограмму, которая была записана сто лет назад, тоже нереально.

Пришлось ночью перед съемками записать песню так, как она звучит сегодня, чтобы помнить, когда рот открывать. Или на юбилейной «Песне года» просят спеть «Хоп-хей». Я им говорю: «Ребята, это было записано десять лет назад!». Но — пришлось. Я потом специально эфир посмотрел: выбегает дядька и поет юношеским голосом... умора.

— С женой спорите на творческие темы?

— Да, конечно.

— Кто побеждает?

— Никогда. Случайно все получилось. Вообще меня никогда не привлекала женщина, которая поет. Однокурсница, стюардесса, официантка, но не певица.

— И на Анжелику Варум вы, конечно, обратили внимание не как на женщину, а как на коллегу...

— Не более того. Она мне всегда нравилась, меня тянуло познакомиться, пообщаться, но никаких фантазий не было. Когда познакомились, я предложил ей песню. А через год мы стали жить вместе. Это вообще не должно было быть. Я был классическим любителем женщин, и вдруг жена — певица. Это уникальное что-то. Я не верил в это до последнего. Я только не понимал, что со мной происходит, потому что совершенно не мог без нее. Я знал, что она мне нужна. Мы еще не были близки, но уже ездили вместе на гастроли. Я приезжал, звонил ей, приглашал на ужин или учить играть на бильярде. Просто потому, что нуждался в этом человеке. Старая схема не срабатывала: пригласить домой, наливать коньячку... Было что-то другое, и я долгое время даже стеснялся этого. Вел себя как мальчишка, выпендривался перед ней, показывал какой я крутой и весь из себя острумый. На настройке микрофона выгонял со сцены ее звукоинженера и показывал, как правильно. Дали ей не ту гримерку, я выходил на защиту, лез на разборки. Не знал, дурак, что она давно все уже решила, все про нас знает наперед. Мудрая женщина. Она просто ждала, когда этот крутой чувак перестанет стесняться и скажет то, что должен сказать.

— Ваша жена — человек известный, женщина привлекательная. Ревнуете?

— Я ревнивый. Но у нас очень доверительные отношения. (Слюнул через левое плечо и постучал по столу: «Так и будет написано, да?»). Мы просто очень близки. Мы бесконечно разговариваем друг с другом. Темы не исчерпываются. Мы дружим. Помимо физической привязанности, существует человеческая схожесть — очень во многом, на химическом уровне. Я много знаю про нее, она много знает про меня, это создает большое поле доверия. Бывают, конечно, ревнухи. Она в Москве, я на гастролях, я не звонил... ну, вы понимаете.

— Анжелика Варум часто меняет образ. Советуется с вами?

— Нет, что вы. С каким мужчиной можно советоваться по этому поводу?

— Бывает, чтобы она пришла в платье, а вы ей: «Мне не нравится»?

— Очень редко могу сказать что-то подобное. Она для меня авторитет в смысле вкуса. Мне не приходится делать какие-то дежурные комплименты, чтобы она не обижалась, потому что чаще всего это действительно очень хорошо.

Встречалась
Сабина ДАДАШЕВА

